

Оксана Семык

То, что меня держит...

Роман

Пролог

Весна в этом году в Уключинске выдалась какая-то серая, промозглая, беременная дождем. Но, наконец, настал и погожий денек. Облака разошлись, небо заголубело, солнце выкатилось оттуда, где пряталось чуть не целый месяц, во все концы разбежались солнечные зайчики.

Один из них заглянул в небольшое оконце фондохранилища местного краеведческого музея и, скакнув на пол, пристроился на разбитом затылке лежащей в неловкой позе женщины.

Рядом с трупом валялась испачканная в крови статуэтка рогатого фавна с кривым носом на лукавом лице, голым торсом и козлиными ногами. Чугунный черт, расплывшись в язвительной усмешке, словно наигрывал в мертвое ухо на чугунной флейте...

Глава 1. «Скажи, что я умерла...»

Сонечка Лядова хищно усмехнулась и с наслаждением проткнула ножом Владлена Ошкурко. Рисует она отвратно, но так даже лучше. Этот козел не заслужил большего, чем баклажан вместо тела, голову-яйцо и конечности-прутики с растопыренными грабельками пальцев. А уж нож в бок ему точно к лицу!

Изобразив у грабелек на ногах Владика большую лужу крови, Соня снова помрачнела, вспомнив о том, во что влипла. За ошибки в жизни надо платить — это понятно. Но не миллион же! Дороговато обошелся трехлетний роман — и это если не считать рухнувших надежд, сломанной карьеры и разбитого сердца!

Пять лет назад, получив диплом до смерти обрыдлого универа, Сонечка отправилась в Москву — ловить за хвост птицу удачи. Родственников и знакомых у нее в столице, увы, не было, зато в избытке имелось в ее юном теле здоровья, в душе — оптимизма, а в характере — напористости и готовности работать до упада.

Разумеется, на Ярославском вокзале никто не встречал ее с оркестром и ковровой дорожкой. Новый день еще только пугливо зарождался над столицей. По перрону вяло плелись невыспавшиеся пассажиры. Всем было наплевать на Сонечку. Решительно ступив на московскую землю и поудобнее перехватив в руке чемодан, она вскинула

подбородок и пошагала в новую жизнь.

Дальше из тактичности стоит опустить подробности первых двух лет пребывания Сони в столице. Немало бывших провинциалов предпочитают не упоминать в мемуарах начальные ступени своей московской карьеры. Ибо гордиться особо нечем. Соне тоже пришлось сменить несколько рабочих мест и съемных углов, прежде чем ей повезло уютно устроиться в приличной турфирме организатором экскурсий с неплохим окладом и перспективой повышения до менеджера. Теперь зарплаты вполне хватало на симпатичную съемную хатку и даже получалось откладывать кое-какую копеечку на безоблачное будущее.

Казалось бы, чего Сонечке не доставало? А ей не давали покоя карие глаза Владлена Ошкурко — холеного красавца-брюнета, трудящегося на уровне оптовой продажи автозапчастей. Его крошечная — но своя! — фирмочка располагалась в том же офисном здании этажом ниже. Столкнувшись с Соней несколько раз в лифте и пару раз в буфете, он начал с ней здороваться, а после — напропалую флиртовать, и девичье сердце, дрогнув, раскрылось навстречу мощному мужскому обаянию.

Кроме достопамятного чемодана Сонечка привезла с собой в столицу еще одну единицу багажа — свою девственность и до сих пор так и не решилась ее кому-нибудь подарить, ибо воспитана

была матерью-библиотекаршей на классической литературе и в строгой нравственности. Но через пару недель ухаживаний Владлена все материнские внушения испарились из Сонечкиной головы, и в итоге именно ему вскоре досталась столь долго хранимая невинность.

Сыграло ли это свою роль, или просто так встали звезды, но роман Сони с этим типом растянулся на долгих три года.

Обитали они вместе, в Сонечкиной съемной хатке, ибо гражданин Ошкурко, владея московской пропиской, жилья не имел, утверждая, что при разводе оставил квартиру бывшей жене, а выписаться оттуда ему некуда. Восхищенная таким благородством, Соня даже не ревновала его к прошлому — ведь теперь этот чудо-мужчина принадлежал ей.

Они вели общее хозяйство, и мысли о замужестве всё чаще начали посещать Соню. Она озвучивала их Владлену сначала робко, потом настойчивее — уж очень хотелось через ЗАГС тоже стать полноправной москвичкой. Красавец-сожителю не отказывался жениться, но убеждал, что сперва нужно приобрести собственные «квадратные метры», и говорил, что копит на это деньги. Эти речи ввергали Сонечку в еще больший восторг.

В те дни будущее казалось ей таким радужным! Потому и согласилась она, не

раздумывая, стать поручителем по кредиту на миллион рублей — ведь Владик, по его словам, наконец собрался покупать для них квартиру, и именно такой «малюсенькой суммы» ему не хватало для приобретения семейного гнездышка. Он даже сводил Соню в Благовещенский переулок и показал ей окна, которые «скоро станут нашими». После этого Соня с энтузиазмом собрала справки и подписала бумаги из банка. Кредит заемщику Ошкурко был выдан, отчего Владик стал еще ласковее, посоветовал уже начинать выбирать свадебное платье, а на следующий день... исчез.

Вернувшись с работы, Соня обнаружила, что пропали все пожитки Владлена и даже кое-что из ее вещей. Разумеется, взятые у банка деньги тоже испарились. Суровая реальность посмотрела Сонечке в лицо, укоризненно покачала головой, и вдруг отчетливо стало ясно, что искать красавца-Владика бесполезно — не для того он исчез с миллионом, чтобы быть обнаруженным.

До двадцати семи лет Соня считала себя очень даже неглупой особой. И вот теперь выяснилось, что всё это время она заблуждалась. Неприятное открытие далось тяжело, но еще сложнее было осознать, что искренняя любовь и драгоценная девственность достались проходимцу.

Даже поплакаться было некому: уезжая в столицу, Сонечка крепко рассорилась с матерью —

та ни в какую не хотела отпускать дочь в «вавилонский вертеп». Подруги детства остались в родном Ярославле. Здесь, в Москве, настоящих друзей не было — так, знакомые, сослуживцы, соседи, которым начихать на нее. Пришлось поверять свое горе подушке по ночам.

Постепенно потоки слез начали иссыхать — ведь жизнь продолжалась. За окнами вовсю хозяйничала весна: таяли последние грязные клочья снега, испарывали влажную землю тонкие травинки, весело горлопанили воробьи, спеша рассказать друг другу, как провели зиму. И случившееся начало видеться в другом свете: ведь это же хорошо, что подлец Владик показал свое истинное лицо. А если бы его мерзкая сущность выяснилась уже после свадьбы, скажем, лет через десять семейной жизни? «Свалил — и черт с ним! Найдутся и получше», — сумела, наконец, сказать себе Сонечка.

Прошел еще месяц. Она потихоньку воспряла духом и даже начала снова заглядываться на симпатичных мужчин, как вдруг позвонила из Ярославля мать. Впервые за пять лет! Хотя прекрасно знала номер мобильного телефона дочери и упорно игнорировала ее звонки.

Соня даже не успела удивиться, потому что от первых же слов, раздавшихся из телефона, подкосились ноги: «Это что еще за история с

кредитом? Ты во что там влипла? Тебе письмо от приставов. Требуют погасить долг в пять дней. А потом, я так понимаю, возьмутся из тебя эти деньги вытряхивать...»

Что-то промычав в ответ и нажав на отбой, Соня сползла по стенке. Вот это привет от Владика! Но почему этот документ прислали не на московский адрес? Ах, да! Она ведь в справках для банка указывала паспортные данные, а там — ярославская прописка. Ну, а то, что мать вскрыла письмо на имя Сони, даже не удивило — не в первый раз.

Снова зазвонил сотовый и тем же возмущенным голосом заявил:

— Ты чего трубку швыряешь? Натворила дел, а теперь в кусты? Что мне приставам отвечать, когда придут по твою душу?

— Скажи, что я умерла, — ватным голосом ответила Соня и отключила телефон.

В голове пульсировала всего одна мысль, повторявшаяся во всевозможных вариациях: «Что делать? Как быть? Что же придумать?» Так как эта мысль разом вытеснила все остальные, решение не находилось. Денег таких, разумеется, у Сони не водилось, хотя и было кое-что отложено на черный день, но, увы, далеко не миллион. Занять такую огромную сумму, само собой, не у кого. Продать нечего — ни машину, ни бриллианты Соня еще не

нажила.

И тут спасительно вспомнилось: ведь бывшая одноклассница и лучшая подруга Ритка Бурмина работает в канцелярии райсуда в родном Ярославле! Может, она подскажет что-нибудь дельное? Они изредка перезванивались, хотя общих тем с каждым годом оставалось всё меньше, и откровенничать, как прежде, друг с другом уже не получалось. Но совет-то Ритуся всегда готова дать, если попросить.

И подруга, немного отойдя от шока после услышанной скорбной повести, совет дала. Но неожиданный.

— Уехать тебе надо куда-нибудь подальше. На время. Пока всё не уляжется.

— Это куда?

— Не знаю, Сонь, но чем дальше, тем лучше. Неизвестно, сколько тебе там как поручителю по суду припаяли выплачивать — половину или вообще всю сумму, но скоро приставы начнут действовать. Сначала, конечно, заявятся к твоей матери. Ну, я-то в курсе, что она у тебя крепкий орешек: пошлет их наверняка, хоть и культурно. Я ей завтра позвоню, объясню, как себя грамотно вести. Не бойсь, с ней всё будет хоккей. А вот тебе в Москве оставаться нельзя. У тебя ведь временная регистрация есть?

— Само собой.

— Вот по ней тебя и вычислят. А еще «пробьют» базу ГАИ на наличие автомобиля.

— Машины у меня нет.

— А счета в банках?

— Ну, имеется парочка. На одном — небольшая заначка, а на другой мне зарплату переводят.

— Дуй сегодня же в банк, снимай все до копейки и закрывай оба счета! Эти деньги приставы у тебя конфискуют в первую очередь.

— Так ведь если я закрою счета, то останусь без кредитки!

— Вот и хорошо. Будешь везде расплачиваться наличкой — тебя не смогут отследить.

— Блин, как будто в шпионском кино.

— Вот отыщут тебя приставы — будет тебе кино. Ужастик. Припрутся и начнут описывать имущество. Найдут хоть что-то ценное — арестуют и пустят с торгов за три копейки. Ясен пень, этого не хватит, чтобы покрыть долг, поэтому в твою турконтору пришлют исполнительный лист и будут вычитать пятьдесят процентов заработка. А так как тот мульон уже наверняка оброс процентами и штрафами, то существовать тебе, Сонь, на ползарплаты до самой пенсии, а там и пенсию отполовинят. В общем, чем всю жизнь отрабатывать чужие долги, лучше пока тихонько

залечь на дно.

— Да я поняла, но где это дно-то?

— Не знаю. Только не в Ярославле и не в Москве — это точно. Вычислят на раз-два и... — Ритуся запнулась. — Ой, Сонь, прости, у меня обеденный перерыв заканчивается. Ты же знаешь, у нас тут с этим строго. В общем, не переживай. Пересиди где-нибудь годик-другой, подожди, пока приставы утратят к тебе интерес и банк про тебя забудет. Может, к тому времени найдут твоего Владика и стрясут весь долг с него. А когда вся эта бодяга уляжется, снова всплывешь. Держи хвост пистолетом и не пропадай — а то я буду волноваться. Всё. Пока! Чмоки!

— Чмоки, — растерянно произнесла Соня в телефон, хотя подруга уже дала отбой. Уехать чем дальше, тем лучше? Совет, похоже, дельный. Но нельзя же вот так сесть в поезд или самолет и отправиться, куда глаза глядят.

Решение напрашивалось само: остается скрываться у тетки, в Уключинске. Других вариантов просто нет. Небольшой сибирский городок идеально подходит на роль «тихого дна». Соня вздохнула и полезла в сумку за записной книжкой. Мария Викторовна Наумова значилась там на букву «Т» — «Тётя Маня». Телефона не было. Да и адрес был когда-то списан со старой открытки, так, на всякий случай.

Тетка помнилась смутно — последний раз Соню возили к ней в гости лет пятнадцать назад. И всё же впечатление о сестре отца осталось какое-то теплое, доброе — такая, наверное, не выставит за дверь племянницу, попавшую в беду. «А прогонит — сниму квартиру, устроюсь на работу и уж как-нибудь перекантуюсь в этом Уключинске год-два», — подумала Соня и начала приводить свой план в действие.

Оказалось, всё, что так тщательно выстраивалось в течение пяти лет, можно легко разрушить за три дня: уволиться с работы, забрать деньги из банка, рассчитаться с квартирной хозяйкой, купить билет и собрать вещи, часть из которых, увы, пришлось раздать, чтобы не тащить с собой. Аллес! Прощай, Москва!

Стоя с чемоданом на перроне того же самого Ярославского вокзала, где когда-то сошла с поезда, Соня поймала себя на ощущении дежавю. Всё это с ней уже было. Вот только на этот раз Москва не встречала ее, а, повернувшись к ней спиной, открывала свои неверные объятия новым сонечкам, едущим сюда за счастьем со всех концов страны.

Глухо гроыхнули колеса вагона — поезд тронулся. Звук этот толкнулся болью в сердце, словно ставя точку в московской одиссее, и перешел в мерное постукивание, все больше разгоняющееся: «Ту-дух, ту-дух, ту-дух, ту-дух. На-

дно, на-дно, на-дно, на-дно». Под этот речитатив предстояло провести больше двух суток. Чем можно заняться в плену тесного купе, не будучи в настроении общаться с попутчиками? Оставалось лишь смотреть в окно и в бессильной злобе тыкать в нарисованного Владика нарисованным ножом.

Глава 2. «Город у нас небольшой — еще встретимся...»

Сойдя с поезда в областном центре, Соня еще три часа протряслась на автобусе до Уключинска по ухабистой дороге, а, добравшись до цели, растерянно остановилась на площади перед городской автостанцией, держа в руке листок с адресом. В какую сторону идти? Она подняла голову, посмотрела на торчащий посреди площади памятник Ленину и спросила у него: «Ну и где тут у вас улица Зеленая?» Но Ильич, не желая отвечать, лишь молча смотрел в сторону, и на его гордом лице читалось что-то вроде: «Понаехали!»

Не рискуя отправляться на самостоятельные поиски неизвестной улицы в незнакомом городе, Соня решила поймать такси, но желтых машин с шашечками поблизости видно не было. Она вздохнула и, перейдя через площадь, вскинула руку. Несколько автомобилей проехало мимо, наплевав на немой призыв. Наконец рядом

затормозила старинная «Волга», блестя краской и хромом так, словно только что сошла с конвейера. За рулем сидел парень в джинсовом костюме и солнечных очках, с собранными в хвост темными волосами. Щетина на его лице вот-вот готовилась превратиться в усы и бородку, но выглядела стильно, а не неряшливо. Не выходя из машины, он спросил через открытое окно:

— Девушка, вам куда?

— Мне на Зеленую улицу.

— Да запросто.

Водила помог уложить в багажник Сонечкин чемодан и по-джентльменски открыл перед пассажиркой дверь.

Соня скользнула в салон и слегка обалдела: внутри тоже всё было с иголочки, пахло кожей. Она потрогала обивку удобного бежевого сидения. Точно — натуральная кожа. Ничего себе рыдван!

Сев за руль, парень включил зажигание. Автомобиль глухо зарычал и плавно покатил по пыльной улице, обсаженной высокими деревьями.

Соня, вертя головой, мрачно разглядывала пробегающие мимо трехэтажные, тоскливо-желтого цвета дома, наверное, еще довоенной постройки. Пейзаж разбавляли только фонарные столбы, да изредка мелькал рекламный щит или обшарпанный павильончик автобусной остановки. Двухполосная проезжая часть плавно, без таких изысков, как

бордюры, переходила в заросшую чахлой травой обочину. Пешеходные дорожки, никогда не знавшие асфальта, больше напоминали тропинки, проложенные идущим на водопой зверьем. Людей на улице почти не было.

— Я смотрю, вы не местная, — подал голос водила. — Впервые у нас?

— Да, — призналась Соня.

— И откуда вы?

— Издалека, — уклончиво ответила она.

— А что это вас занесло «во глубину сибирских руд»? — весело осведомился парень.

— Обстоятельства, — дипломатично ушла от прямого ответа пассажирка, отсекая дальнейшие вопросы.

— А-а-а, понятно, — протянул водила и тут же, без всякого перехода заявил: — А меня Сергеем зовут.

— А-а-а, понятно, — в тон ему ответила Соня.

Сергей кинул на нее быстрый взгляд и, уяснив, что незнакомка не собирается называть себя, тоном заправского экскурсовода сообщил:

— Между прочим, мы сейчас проезжаем по главной транспортной артерии Уключинска.

«Мама дорогая! — мелькнуло в голове у Сонечки. — Если это — главный проспект, то на что похоже всё остальное?»

— Это — улица...

— Не называйте. Дайте я сама догадаюсь, — с сарказмом предложила Соня, вспомнив памятник у автостанции. — Улица Ленина?

— В точку, — усмехнулся Сергей.

«Волга» пару раз свернула на перекрестках, и вскоре вдоль дороги потянулись однотипные пятиэтажки.

— А это новый микрорайон, — доложил гид-доброволец.

Улица, расширившись до трех полос, уходила вдаль на десяток кварталов и в конце, казалось, упиралась в густо поросшие лесом величественные холмы.

— Как красиво! — невольно вырвалось у Сони.

Парень, похоже, понял, что она имела в виду вовсе не скучные творения человеческих рук.

— Это Чигирский кряж.

— Кряж? Что такое кряж?

— Ну, как вам объяснить... Это... э-э-э... длинная цепь гор и увалов.

— А что такое увал?

— Да, вы точно не местная, — рассмеялся Сергей. — Погодите, вот поживете тут — еще много новых слов узнаете. А увал — это такая гора с пологими склонами. У нас тут природа — обалденная. А воздух какой!

— Зимой здесь у вас холодно? — этот вопрос

больше всего волновал теплолюбивую приезжую.

— Ну, в январе морозы, конечно, не слабые — минус сорок не диковинка. И весна только в апреле наступает...

«Да уж, не Сочи, — мрачно подумала Соня, вспомнив, что с собой из теплых вещей — только куртейка на синтепоне. — Придется приобрести какую-нибудь местную кухлянку, или как это у них тут называется».

— Зато летом жарища за тридцать градусов бывает, — поспешил добавить водила.

Вот уж утешил... А кондиционеров тут, небось, не водится. Соне всё больше не нравился этот городишко.

Еще немного попетляв, «Волга» остановилась за очередным перекрестком.

— А вот и улица Зеленая, — сообщил Сергей. — Вам тут куда?

Соня вынула бумажку из кармана и сверилась с ней.

— Дом четыре.

— Вот он, — парень указал на панельную пятиэтажку, и Соня ощутила тихий ужас.

— Вы ничего не путаете?

— Так у него на боку номер намалеван, видите?

— Этого не может быть. Здесь вдоль всей улицы стояли частные домики. Я же помню, —

ошарашено произнесла она.

— Вы что, тут уже бывали?

— Лет пятнадцать назад.

Сергей присвистнул.

— Да с тех пор тут, небось, все изменилось.

Кого мы ищем-то?

«О как! — краем сознания отметила Соня. — Уже есть какое-то «мы»?» Но парень, будучи аборигеном, реально мог оказаться полезным.

— Я ищу свою тетку. Тут стоял ее дом. В нем жила семья Наумовых — муж и жена.

— Щас всё выясним, — деловито произнес водила и, не успела Сонечка его остановить, как он уже вылез из «Волги», прошагал вдоль улицы до дома номер четыре и скрылся в ближайшем подъезде. «Надо же, даже кодового замка на двери нет! — мысленно удивилась Соня. — Вот она, провинция — святая простота!»

Минут через десять Сергей вышел оттуда и, сияя победной улыбкой, вернулся в машину.

— Тут раньше, и вправду, был частный сектор, — сообщил он в ответ на вопросительный взгляд пассажирки. — А лет десять назад домишки снесли и построили несколько пятиэтажек. Многие старые хозяева в них переселились. Тетка ваша тут больше не живет. Куда делась — неизвестно. Но не расстраивайтесь. Я вам вместо тетки бабушку нашел.

— Какую еще бабушку?

— Вашей тетки. То бишь, вам она приходится... — Он почесал затылок. — А черт его знает, кем. Но родственница — это точно.

— Получается, она — моя прабабушка, — быстро прикинула Соня. — Но я ее никогда не видела.

— Так почему бы вам ее не навестить? Познакомитесь, пообщаетесь. Наверняка она знает, куда переехала ваша тетя. Айда, — задорно предложил Сергей. — Адресочек мне подсказали. Тут недалеко.

А что еще оставалось? Все-таки устроить жизнь с нуля в чужом городе проще, когда рядом кто-то из родственников.

— Ну айда, — пожала плечами Соня и запоздало спохватилась: — Неудобно у вас время отнимать.

— Я сам себе хозяин, — улыбнулся парень и завел машину.

Ехать, действительно, было недалеко. Да и, похоже, в этом Уключинске больших расстояний просто не существовало. Но декорации опять словно кто-то переставил. На смену пятиэтажкам пришел почти сельский пейзаж: грунтовка змеящаяся снова чуть в гору, а по бокам — разбросанные в беспорядке разношерстные приземистые домишки в два-три окна по фасаду, перемежающиеся клочками огородов, даже не

отделенных друг от друга забором. Над всем этим возвышались, чем-то дымя, несколько высоченных труб какого-то завода.

Соня сидела молча и тоскливо размышляла о том, что волей обстоятельств теперь переместилась не только в пространстве, но и, кажется, во времени — лет этак на сто назад. Словно чувствуя ее нежелание общаться, водила рулил молча, то и дело бросая в ее сторону любопытные взгляды.

Как выяснилось, искомый домишко стоял у самой дороги. Четырехскатная шиферная крыша с печной трубой, стены из потемневших от времени бревен, пара окон, выходящих на улицу и обрамленных разохшимися, хоть и свежескрашенными белыми наличниками — всё это произвело гнетущее впечатление на Соню. «Волга» уже с минуту как остановилась на обочине, а выходить не хотелось.

— Ну, что же вы? Смелее! — подбодрил пассажирку Сергей. — Небось, не кусается ваша прабабка. Зубы-то, наверное, все давно порастеряла, — попытался он неуклюже пошутить и неожиданно предложил: — А хотите я вас подожду? Мало ли как дело обернется.

Соня с радостью кивнула:

— Хочу. — И тут же с подозрением посмотрела на водилу. — А вы не смаетесь с моими вещами?

Он рассмеялся.

— Неужели я похож на жулика?

Соня вспомнила Владика, скрипнула зубами и ответила:

— Кто вас разберет... А ну снимите очки!

Водила, наверное, растерявшись от такой наглости, безропотно повиновался приказу. Она полезла в карман, вынула сотовый телефон и, переведя его в режим камеры, сфотографировала Сергея, затем вылезла из «Волги» и «щелкнула» заодно номер автомобиля.

— Вот теперь вы никуда не денетесь, — заявила Соня.

А новый знакомый между тем снова рассмеялся.

— Надо было предупредить, что снимаете. Я бы соорудил умное лицо.

Чтобы проиллюстрировать свои слова, он смешно скосил к носу светло-карие глаза.

Сонечка невольно прыснула и махнула рукой:

— Да ну вас. Мне сейчас не до шуток.

Поправив на плече дамскую сумочку с самым ценным — документами и деньгами, она подумала: «Даже если этот тип смоется с моим чемоданом, я не сильно расстроюсь. Похоже, в этой сибирской дыре столичный гардероб мне не пригодится».

Робкими шагами приблизившись к пристройке слева от фасада, Соня поднялась на

невысокое крыльцо и, тревожно затаив дыхание, постучала.

Послышались громкие, энергичные шаги. «Ого! А прабабка-то огурцом! — мелькнуло в голове. — Ишь, как бодро топочет». Дверь распахнулась. На пороге стояла... молодая девушка, почти девчонка. На простецком личике выделялись большие серые глаза, отвлекая внимание от чуть вздернутого остренького носика и бледных тонких губ. Ее длинные светлые волосы были заплетены в небрежную косу, перекинутую на грудь, на тощем тельце болтался затрапезный халат, надетый поверх джинсов и майки, в руке красовался веник.

— Зрассьте, вам кого? — удивленно спросила девчонка.

— Харитонову Евдокию Васильевну.

— А-а-а, баб Дусю! Она в огороде. Щас я ее позову. Да вы входите, не стойте у порога.

Она отступила назад и направилась в дом. Соня шагнула внутрь. Здесь пахло какими-то травами. На деревянном крашеном полу во всю длину сеней лежала чистая домотканая дорожка.

— Идемте в избу, — приглашая, поманила рукой девчонка. — Я как раз уборку закончила. — Зайдя в комнату, она нырнула с веником за большую русскую печь, стоящую справа от входа, вынырнула уже без веника и махнула рукой на

лавку у стены: — Подождите тут. А я — за баб Дусей.

Пока ее не было, Соня огляделась по сторонам. В доме, похоже, имелось всего две комнаты. В той, где она сейчас сидела, казалось, последние лет двести ничего не менялось: тяжелые лавки вдоль стен, над ними — полки с какими-то крынками и горшками, в углу — стол, над ним — тоже полка, занавешенная вышитым полотенцем. Иконы там, что ли? А печка — это вообще атас! Двадцать первый век на дворе!

Входная дверь хлопнула, в сенях раздались голоса, и в комнату вслед за девчонкой вошла высокая тощая старуха с прямой спиной и непроницаемым, как у индейца, морщинистым лицом. Наряд ее составляли какой-то темный подпоясанный балахон в мелкий цветочек и белый платок, повязанный по-крестьянски.

Она тяжелыми шагами протопала к висящему на стене рукомойнику дедовского образца, не спеша помыла руки, вытерла их висящим рядом с рукомойником полотенцем и лишь потом по-орлиному взглянула на Соню. — Кто тут по меня пришедши? Ефто ты? Делом пришла, ли чо?

— Здравствуйте! — Вскочила с лавки гостя. — Евдокия Васильевна, я Соня, ваша правнучка. Я к вам в гости приехала... — Она не успела договорить, потому что старуха,

неожиданно утратив спокойствие вождя ирокезов, изменилась в лице: глаза ее вспыхнули из-под нависших век, крылья крючковатого носа раздулись, рот съехал набок.

— Кака така ишшо мнучка-прамнучка-та? Никода не слыхивала! Ивзялась ниоткелева. Ходют тута всякие опеть! Чево вам надоть? Омманшики! Ужа! Вот я тебе как драбалызну по спине! Евон каков у мя ухват! Кыш отсель!

Хотя произношение у старухи было еще вполне членораздельным, Соня не поняла и половины из той тарабарщины, что прозвучала в ее адрес. Но слово «кыш» в переводе не нуждалось. Да и Евдокия Васильевна все больше распаялась, что-то гневно лопоча. Гостья опасливо, боком, скользнула вдоль стены в сени. В спину ей полетел «снаряд», но старуха не рассчитала, и он, перелетев цель, плюхнулся перед Соней. Валенок! Черт его знает, откуда бабка его извлекла — не сняла же с ноги — в мае месяце-то!

Гостья, ускорившись, почти скатилась с крыльца, но не успела отойти от домишки и трех шагов, как в спину ей прозвучало:

— Подождите! Эй! Пойдите!

Она остановилась и, обернувшись к давешней девчонке, уже успевшей скинуть замызганный халат, сердито спросила:

— У вас тут всех гостей валенками по горбу

встречают? — и, не дожидаясь ответа, добавила: — А ты что, тоже мне родня?

— Не. Я из собеса. Баб Дусе продукты приношу и по хозяйству помогаю. Работа у меня такая. А вы и вправду Харитонихи правнучка?

— Вроде, да. Вот, приехала в Уключинск с ней познакомиться, — чуть покривила душой Сонечка, — а еще разыскать ее внучку — мою тетку. Наумову Марию. Не знаешь такую?

— Слыхала. Баб Дуся мне о ней рассказывала. Уехала ваша тетка отсюда. В Новосибирск. Как мужа ее уволили несколько лет назад — так и уехали они. Завод наш тогда продали новому хозяину, а тот половину рабочих повыгнал на улицу. Кто в другие края подался, кому другую работу посчастливилось найти, а кто спился, — девчонка тяжело вздохнула, а потом спросила: — А вы сюда надолго?

— Может быть. Еще не решила.

Собеседница встрепенулась:

— А где ж вы остановились?

Соня пожала плечами:

— Пока нигде.

— А хотите, я вам комнату сдам? — еще больше оживилась девчонка. — У меня квартира двухкомнатная. Я в ней одна живу. Места полно. Возьму недорого. Ну как, согласны? — Она явно решила подправить свое материальное положение

за счет Сони. Но тут их интересы совпадали. На гостиницу, даже в таком медвежьем углу, денег не напасешься. Съемное жилье пришлось бы искать все равно. А этот вариант, вроде, безопасный: хозяйка квартиры — совсем пацанка, в собесе работает, вряд ли такая промышляет криминалом. Оставалось только радоваться нечаянному предложению.

— Согласна. Заселяться-то когда можно?

— Да хоть сейчас.

— Ну, поехали к тебе.

— Мы на автобусе быстро доберемся.

— Зачем на автобусе? Я на такси, — Соня царским жестом указала на ожидавшуюся ее «Волгу». — Как тебя зовут-то?

— Катя.

— А меня Соня. И еще. Тебе сколько лет?

— Двадцать.

— А мне двадцать семь, так что давай «на ты», ладно?

— Ладно, — кивнула девчонка.

— А это еще кто? — удивился Сергей, обнаружив, что у него теперь две пассажирки.

— Кто надо, — огрызнулась Катя, устроившись на заднем сиденье.

— Ну, как бабка встретила? — поинтересовался водила.

К счастью, девчонка снова нахамила, избавив Соню от необходимости отвечать на неудобный вопрос:

— Тебе какое дело? Рули, куда скажут.

— И куда вам? — Парень, проигнорировав грубость, посмотрел на Соню.

— Да, куда нам? — спросила она у новой знакомой.

— На Комсомольскую, к «Меридиану», — ответила та.

Оказалось, «Меридиан» — это магазин, торгующий всякой всячиной — от продуктов до канцтоваров. Прямо за ним стоял трехэтажный кирпичный дом в два подъезда. Следуя указаниям Кати, Сергей подъехал к нему, остановился и помог вынуть вещи из багажника.

Соня поблагодарила водилу и достала кошелек.

— Сколько я вам должна?

Тот, похоже, искренне, обиделся.

— При чем тут деньги? Но кое-что вы мне все-таки должны... — Он вскинул бровь, выдержал картинную паузу и напомнил: — Мы ведь так и не познакомились.

— В следующий раз — обязательно, — обворожительно улыбнулась Соня.

Ничуть не огорошенный, Сергей тоже расплылся в улыбке.

— Думаете, отшили? Город у нас небольшой — еще встретимся.

Глава 3. «Ты... чертовщины всякой не боишься?...»

Названную Катей квартплату Соня сочла неприлично низкой с точки зрения московских цен и, не торгуясь, заплатила вперед за пару месяцев. Квартира, конечно, восторга не вызвала — ремонт тут делали последний раз, наверное, еще при Брежневе — но зато чистая, второй этаж и комнаты раздельные. Соне досталась та, что побольше. Из мебели в ней были только огромный уродливый шифоньер советского образца, раскладной диван, давно утративший способность раскладываться, а также неуверенно стоящие на ногах стол и тумбочка. Посмотрев на это богатство, Соня тяжело вздохнула: снова всё надо начинать с нуля.

Ощувив на себе чей-то взгляд, она обернулась. На диване сидел одноухий дымчатый кот — и откуда только взялся? Сверля гостью желтыми глазами, он нервно ударил хвостом и молча спросил:

— Ты еще кто такая?

Присев перед ним на корточки, Соня осторожно протянула руку вверх ладонью и ответила:

— Я буду тут жить. Меня зовут Соня. А тебя как?

Кот не шевельнулся — лишь задвигал носом, втягивая запах незнакомого человека.

Соня потянулась его погладить — он отпрянул грациозным движением, дав понять, что такого панибратства не потерпит.

— Ты прав, я тороплю события, — рассмеялась Соня, вовсе не обидевшись. — Вот куплю сосисок или ветчины, и тогда мы с тобой познакомимся как полагается.

Убедившись, что безопасное расстояние между ними снова восстановилось, кот задрал ногу свечой и невозмутимо начал расчесывать языком свою серую шерсть.

Вошла Катя, неся в руках стопку постельного белья и одеяло. Увидев кота, она прикрикнула на него:

— Валет! А ну иди отсюда! — и смущенно повернулась к постоялице: — Я закрою его в своей комнате. Он не будет тебе мешать.

— Вот еще! — махнула рукой Соня. — Пусть ходит, где хочет. Я люблю животных. Всегда мечтала завести кошку или собаку. Но мама не разрешала держать даже хомяка. А я, помню, когда училась в школе, собирала в столовке в пакетик недоеденные одноклассниками котлеты и потом раздавала их окрестным бродячим псам. Те за мной

табуном бегали.

Катя положила свою ношу на диван, взяла кота на руки и прижала к себе.

— А я Валета нашла в сугробе — совсем кроху — и домой притащила. Он нагадил папке в тапок, и папка велел его выбросить. Я сказала, что так и сделала, а сама прятала Валета в шкафу в коробке целую неделю. Думала, хоть до весны его продержу в тепле. Тайком ему молоко с кухни таскала. А потом папка его нашел, отрезал ему ухо и выкинул в форточку. Сказал, что если еще раз этого задохлика в дом принесу, он отрежет ему голову. А потом... — она сглотнула и резко сменила тему: — Ну ладно, устраивайся, а я пока пойду пельмени сварю. Будешь? А то у меня больше ничего нет.

Что-то горячее шевельнулось у Сони в груди. Стало жаль и девчонку, и ее кота, захотелось узнать, что стоит за недорассказанной историей, хотя, конечно, это не ее дело.

— Подожди! — Она вынула из сумки пару тысячерублевков. — А давай устроим праздничный ужин? Можно тебя попросить купить чего-нибудь вкусенького? На твое усмотрение. И Валету захвати угощение для его кошачьей души. А я пока искупаюсь.

— Класс! — обрадовалась Катя. — А что празднуем?

— Наше знакомство, — улыбнулась Соня.

— Ну, тогда я сначала в магазин, а потом займусь пельменями. Кстати, тебе повезло — только вчера дали горячую воду, а то ее почти месяц не было.

— Я вообще везучая, — заставила себя рассмеяться Соня и отвернулась к окну, чтобы скрыть горький излом губ.

В обрамлении простеньких штор виднелся непривычный пейзаж: поросшие лесом живописные горы, а на их фоне — те же уродливые, коптящие небо заводские трубы.

Ванная комната, разумеется, тоже оказалась довольно облезлой: кафель на стене потрескался, эмаль чугунной ванны кое-где сколота, а дверь с внешней стороны покрыта глубокими царапинами и зарубками. Но зато из крана, действительно, текла горячая вода, и даже имелся душ. Ну что еще нужно для счастья человеку, который проехал чуть ли не через всю страну на поезде, где освежиться можно только в крошечной металлической раковине?

Распаренная и довольная, Соня натянула чистую одежду и вышла из ванной. Запах пельменей, витающий по квартире, вызвал голодное урчание в животе, ноги сами направились на кухню.

Катя уже заканчивала нарезать щедрыми ломтями вареную колбасу, сыр и батон. На подоконнике лежали пакеты с печеньем и конфетами, на холодильнике стоял торт. В стороне, на полу, Валет деликатно, без суеты, жевал кусок местной «докторской».

Увидев вошедшую Сою, Катя обвела широким жестом купленную простецкую еду.

— Кр-р-расота! Живём!

В неловком молчании наевшись пельменей и бутербродов, за чаем хозяйка и гостья, наконец, разговорились. Катя, закусывая торт печеньем, пообещала:

— А с баб Дусей я тебя обязательно помирю. Она непременно тебя приветит, только подожди немного — пусть успокоится. Ее уже как-то раз обманули: пришли, назвали из собеса, обменяли на какие-то бумажки деньги, что на похороны копились, так она теперь никому не доверяет. У меня так на участке еще троих обобрали какие-то гады.

— Так ты не только за Евдокией Васильевной ухаживаешь?

— У меня кроме твоей прабабки еще восемь человек — и за всеми надо приглядеть.

— И как тебе эта работа, нравится?

— Работа как работа. Жить-то надо. Только одно не по-людски: что ни сделаешь, за всё должен

счет выставлять как за услугу. Хлеб купил за тридцать рублей — возьми с подопечного сто семьдесят. Полы помыл — еще триста. И обязательно в журнал заноси — старики за всё должны платить. Хотя пенсии-то копеечные. А зарплату нам дают от того, сколько ты в тот журнал понаписал. Только у меня слишком часто рука не поднимается всякие несложные дела как услуги оформлять: суп погрела, постель застелила, чай подала — неужто еще и за это деньги драть? Вот потому и получаю я всего ничего, — Катя вздохнула, но тут же улыбнулась. — Зато с моими старичками не соскучишься. Взять, к примеру, твою прабабку. Ей скоро девяносто исполнится, а она до сих пор целыми днями в огороде кверху воронкой торчит. И ведь что выращивает? Половина огорода — цветы. Красивые такие: пионы, лилии. Хоть бы на продажу. Так нет. Для отрады глаз, говорит. Твердят ей соседи: засади всё картошкой да капустой — хоть толк будет, а она в ответ: в жизни, мол, не только о еде надо думать, но и о красоте. Вот и дед Василий тоже... Он вырезывает всякие забавные деревянные штуки. Ему за семьдесят, очки носит с толстенными стеклами, руки скрючены, а как ни зайду — всё стругает какую-нибудь плашку. Баб Клава такие смешные частушки сочиняет, а баб Тоня такие шанежки печет — объедение!.. — Она снова вздохнула. —

Жаль, что никому эти старички теперь не интересны. Одинокие они очень. Так радуются всегда моему приходу! Им ведь даже поговорить не с кем. — Катя откусила печенье, задумчиво им похрустела и добавила, уставившись на полусъеденный торт невидящим взглядом: — Знаешь, мне иногда кажется, что они как будто стоят на платформе, а мы мимо них в скором поезде несемся. Они нам машут, а мы их не замечаем. Шагни они навстречу — переедем и даже не остановимся. Не понимаем мы их.

— Как их поймешь? — поежилась Соня, вспомнив пролетевший над головой валенок. — Вон, прабабка моя на каком-то инопланетном языке лопочет.

Катя звонко рассмеялась.

— У нас тут раньше все так лопотали. Это старинный местный говор. Баб Дуся очень старая, потому и говорит так чудно. Я-то уже научилась ее понимать — ведь больше двух лет к ней хожу. Забавно так ее слушать. — Она посмотрела на Валета. — Кошка у нее, например, «кыска», а кот — «кошак». И они не мяукают, а «мявкают». А еще она так смешно говорит: «ушла по-за хлебом» или «по-за тот день». Спросишь ее: как, мол, дела, она отвечает: «Баско» — хорошо, то есть. Память у нее отличная — все помнит. А когда баб Дуся в настроении, я всегда прошу ее какую-нибудь байку

рассказать. Она столько их знает — и смешные, и страшные!

Позорное бегство от собственной прабабки вспоминать все еще было неприятно, и, воспользовавшись тем, что Катя шумно отхлебнула чай, Соня поспешила сменить тему.

— Мне бы какую-нибудь временную работу найти. Как тут у вас с этим? — поинтересовалась она, радуясь про себя, что девчонка не лезет к ней с расспросами о причинах приезда в Уключинск.

— Как-как... Никак. Недавно еще один цех на заводе закрылся. Мужиков, ясное дело, отправили в свободное плавание. Одноклассница моя бывшая работала продавцом в частной лавочке, так хозяин разорился, а ее под зад коленкой. Даже к нам в собес, куда раньше соцработником никто и идти-то не хотел, сейчас не устроишься. Не, может, где каким дворником и возьмут, но ты ж не будешь улицы мести?

— Я что, для этого университет заканчивала? — вскинулась Соня.

— Постой! — неожиданно осенило Катю. — У нас ведь тут в музее неделю назад место освободилось... Об этом уж весь город знает: новости у нас разносятся быстро. Туда, конечно, не всякого возьмут, да и желающих-то устроиться, думаю, немного найдется. — Она испытующе глянула на собеседницу. — Ты... чертовщины

всякой не боишься?

Соня фыркнула.

— Я в такую ерунду не верю.

— Зря, — философски изрекла Катя и подытожила: — Вот и хорошо. Завтра сходи в музей — он тут неподалеку, на нашей улице. Глядишь, тебя и примут — с университетским-то дипломом.

— А почему ты о чертовщине упомянула?

Катя махнула рукой.

— Это тебе музейщики лучше меня расскажут. Ты их порасспроси.

Глава 4. «Кто такой Хозяин?...»

На следующее утро Соня с трудом заставила себя встать и отключить надрывающийся сигнал будильника в своем сотовом. Спать хотелось ужасно — сказывалась разница во времени с Москвой в несколько часов — там сейчас всего пять утра. Но дрыхнуть некогда — может уплыть неплохая вакансия. Музей — место тихое, спокойное — как раз то, что нужно, чтобы немного прийти в себя после сумасшедшего жизненного ритма столицы.

Катя, увидев выходящую из комнаты жиличку, встретила ее широкой улыбкой.

— Уже проснулась? А я тебя будить

собиралась, а то мне на работу пора. Держи ключ от квартиры — будет твой. У меня еще есть. Ну что, в музей сегодня собираешься?

Соня кивнула:

— А как туда добраться?

— Очень просто: дойдешь до конца улицы и увидишь его. Он там особняком стоит, у моста над речкой.

И действительно, музей Соня нашла без труда — двухэтажное кирпичное здание красного цвета с белой отделкой. Издалека оно смотрелось нарядно, но вблизи бросались в глаза выщербленные от времени кирпичи, там и тут портили вид большие проплешины облупившейся краски. Зато на фасаде висела табличка, гордо гласящая, что это здание является архитектурно-историческим памятником и охраняется государством. Над входными дверями было написано: «Уключинский городской краеведческий музей».

Войдя в вестибюль, Соня огляделась. Справа находился гардероб с рядами пустых вешалок и окошко кассы, похожее на бойницу, слева начиналась анфилада комнат, очевидно, служивших выставочными залами. На второй этаж вела красивая чугунная лестница.

Не успела Соня сделать и пару шагов, как дорогу ей тут же преградил невысокий крепкий мужичок в синем халате.

— Вы куда? Мы закрыты. Сегодня санитарный день. Там на двери расписание.

— Я к директору.

— Зачем?

— По делу.

— По какому? — не сдавал позиций настырный визави.

— А вы что, директор? — разозлилась Соня.

И тут со стороны лестницы раздался уже знакомый голос:

— Владимир Иванович, пропустите девушку. Я провожу ее к Алевтине Леонтьевне.

Мужичок отступил, открыв взору изумленной Сони вчерашнего водилу Сергея, спускающегося по чугунным ступеням, одетого в такой же синий халат. Вот это да! Мир тесен, но не настолько же! Впрочем, Соня всегда умела воспользоваться выпавшим шансом. С невозмутимым видом она подошла к неожиданному заступнику и зашагала вместе с ним вверх по лестнице.

— Я же говорил, что мы еще встретимся, — весело произнес он. — Правда, не думал, что так скоро. Ну, теперь-то вы скажете, как вас зовут?

— София Александровна.

— Красиво. Соня, значит, или Софья. Или предпочитаете Софа?

— Предпочитаю София Александровна, — поставила она его на место. — А как ваше

отчество?

— Вам зачем?

— Вдруг мы станем сослуживцами? И что же мне тогда — звать вас Сергей?

— Конечно. Меня тут все так зовут, без отчества. Иногда по фамилии — Нестеров. Не зря говорят: будь проще — и люди к тебе потянутся. — Вот тут Сонечка не поняла, считать ли эти слова камнем в ее огород, но решила пропустить их мимо ушей. — Значит, вы пришли сюда на работу устраиваться? И кем?

— Кем возьмут. А вы тут чем занимаетесь?

— Я — штатный реставратор. Если точнее, «мастер на все руки». Тут ведь что реставрировать? Ведь не рембрандтовскую же «Данаю». Так, всё подряд починая и слежу за сохранностью экспонатов.

Они подошли к двери с табличкой «Директор Карнаухова Алевтина Леонтьевна».

— А хотите я вас подожду? — предложил Сергей.

— Зачем? — недоуменно спросила Соня, и только потом до нее дошло, что он шутит, намекая на вчерашние события. — Нет, спасибо, — улыбнулась она в ответ.

— Ну, ни пуха ни пера, — пожелал провожать.

— К черту! — от души послала его Соня.

Узнав, что посетительница явилась в поисках работы, директор Карнаухова вскинула брови, чересчур тонко выщипанные для ее полного лица с двумя подбородками, и поинтересовалась, какое у Сони образование.

— У меня университетский диплом по специальности «политолог».

Теперь директорские брови совсем уехали под пышно начесанную рыжеватую челку, тщательно подведенные глаза с цепким взглядом удивленно распахнулись.

— И чем же политологи занимаются?

— Ну, они изучают действия политиков, анализируют события политической жизни... — начала популярно объяснять Соня.

Алевтина Леонтьевна тут же перебила ее, нетерпеливо махнув рукой:

— Ой, да у нас тут на каждой лавочке по пять пенсионеров сидит — и все они, выходит, политологи. Только мне не политолог, а экскурсовод нужен.

Соня, уже было настроившаяся на отказ, при последних словах ощутила проблеск надежды и вытащила из сумки свидетельство об окончании курсов по специальности «гид-сопровождающий». Корочка, купленная с рук, помогла ей в свое время устроиться в московскую турфирму.

Этот козырь произвел разительную перемену в директоре музея: она расплылась в улыбке:

— Совсем другое дело. С такой бумажкой я вас возьму — с кадрами тут, в глуши, беда. Приходите завтра: подпишем трудовой договор, ознакомитесь с должностной инструкцией. Беру вас с испытательным сроком три месяца. И еще: экскурсий у нас сейчас немного. Чтобы без дела не сидеть, будете помогать в других отделах.

Озвученная сумма оклада неприятно удивила своей мизерностью в сравнении с московской зарплатой. «Но все же лучше, чем ничего, да и работа эта — лишь временная», — утешила себя Соня.

Назавтра ее «прикрепили» к научному сотруднику выставочного зала Алексею Юрьевичу Кронцову. Высокий, худой, чуть сутулящийся, с густыми каштановыми волосами, уже чуть посеребрёнными на висках, «Шеф», как мысленно обозвала его Соня, сразу расположил ее к себе приветливым обращением и добрым приятным лицом с «гусиными лапками» морщинок, разбегающихся к вискам от бледно-голубых глаз.

Первым делом он устроил своей новой подчиненной краткую экскурсию по музею. На первом этаже располагалась экспозиция «Природа края». Вдоль одной стены с нарисованным на ней

лесом, были выставлены чучела животных, из которых Соня узнала далеко не всех, мысленно отнеся неузнанных в разряд «каких-то выхухолей». И вообще, вся эта композиция напомнила ей Ноев ковчег: на нескольких квадратных метрах было собрано столько разных тварей, что даже страшно было представить, что бы случилось, сойдись они в настоящем лесу в одном месте в таком составе.

В экспозицию также входили палеонтологический, археологический и минералогический разделы: в стеклянных витринах лежали какие-то камни, а еще огрызки, кусочки и ошметки черт его знает, чего. Впрочем, Соня понимала, что ей придется разобраться в этом историческом мусоре, если она собирается работать здесь экскурсоводом. Что же касается второго этажа, он был полностью отдан под историю края, начинавшуюся еще с местных первобытных племен. Отдельный зал был отведен под экспонаты, рассказывающие об истории местного завода, вокруг которого, судя по всему, вращалась жизнь в этом забытом богом уголке.

Шеф гордо сообщил, что вся экспозиционно-выставочная площадь занимает триста квадратных метров, плюс еще у музея имеется небольшая пристройка, используемая в качестве фондохранилища, а также реставрационная мастерская. Соня, вместо того чтобы впечатлиться,

лишь хмыкнула, вспомнив, что общая протяженность залов Эрмитажа, кажется, более двадцати километров. «Что ж, каков городишко, таков и музей», — подумала она.

Попутно Соня познакомилась и с остальными членами коллектива, ибо музей, как оказалось, в авральном режиме готовился к приезду в Уключинск губернатора области, а потому был объявлен дополнительный санитарный день, и все сотрудники сновали по обоим этажам, словно муравьи. Соня скептически отнеслась к идее посещения важным гостем столь захолустного учреждения культуры, но ее мнением по данному вопросу никто не поинтересовался.

Шеф, две научных сотрудницы, смотрительница и Соня занялись обновлением в экспозициях текстов аннотаций и этикеток — прошел слух, что у губернатора слабое зрение, а потому всё срочно перепечатывалось огромным шрифтом, годным разве что для букваря или верхних строчек таблицы окулиста.

Оставшаяся часть коллектива была брошена на решение других животрепещущих задач. Замдиректора по хозяйственной части — тот самый, дотошный Владимир Иванович — вместе с реставратором Сергеем и электриком срочно занавешивали огромным баннером фасад рядом со

входом, чтобы скрыть облупившуюся штукатурку, и копошились внутри здания: закрашивали застарелые желтые разводы на потолке, что-то чинили, прибивали, завинчивали. А гардеробщица — она же по совместительству уборщица — до блеска натирала витрины с экспонатами и пылесосила чучела представителей местной фауны.

Новенькую коллеги приняли доброжелательно, тут же окрестили просто Соней и даже Сонечкой, ибо она была здесь самой молодой, с большим отрывом отставая в возрасте от остальных. Ей сунули в руки ножницы и посадили разрезать листы с напечатанными на них текстами аннотаций.

После она помогала менять в залах старые этикетки на свежие. Ей поручили зал на втором этаже, в котором были выставлены картины — на взгляд Сони, по большей части мазня. Наверное, местных художников. В основном те предпочитали изображать природу: горы, елки да березы, иногда разбавленные какой-нибудь снулой речкой или кривой избой.

Яркие краски были положены на полотна щедро, словно масло на бутерброд, и от них так и рябило в глазах. Презрение к законам перспективы и светотени роднило кое-какие из этих произведений с детскими рисунками. Но в зале висели и несколько старинных портретов очень

даже неплохой работы, в тяжелых рамах, покрытых потускневшей позолотой. Один из них особенно понравился Соне.

На нем была изображена темноволосая женщина лет тридцати с аристократическим лицом, одетая в черное шелковое платье с декольте. Парадную прическу венчал черный резной гребень. Уши и шею украшал гарнитур из крупного черного жемчуга, а на плечи была небрежно накинута шаль. Картина была написана так, что под каким углом к ней ни становись, серые глаза дамы смотрели прямо на тебя.

Соня пару минут поразвлекалась, перемещаясь по залу и безрезультатно пытаясь ускользнуть от цепкого серого взгляда, а потом продолжила менять этикетки. Закончив, она направилась к выходу, но вдруг услышала за спиной еле слышный стон. Шею будто обдало холодным ветерком. Резко развернувшись, Соня обвела взглядом пустую комнату, а потом пожалала плечами: наверное, почудилось.

В обеденный перерыв ее словарный запас наполнился новым словом — «тормозок». Так местные, оказывается, называли захваченные из дома на работу харчи. Из них коллеги соорудили перекус в небольшой комнатушке, примыкающей к научно-экспозиционному отделу и называемой

между собой «чайная». Пригласили за стол и Сонечку.

Она, не ломаясь и не кокетничая, присоединилась к трапезе и сейчас, хрустя печеньем, слушала беседу двух научных сотрудниц музея: Акулины Семеновны, которую назвала про себя «Дракулиной» за кроваво-красную помаду на бледном лице, и Натальи Ивановны, получившей в Сонечкиной системе координат прозвище «Карлсон», ибо та и в самом деле напоминала постаревшего Карлсона своей грузной фигурой, полным добрым лицом и носом-пуговкой. Дамы увлеченно спорили о том, от какого слова произошло название Уключинск — от существительного «уключина» или все-таки от диалектного глагола «уключиться» — «случиться, произойти».

Конец распре положила смотрительница Марина Корнеевна — бабулька, наверное, ровесница Тутанхамона и выглядящая почти так же, как его мумия, за что Соня мысленно прозвала ее «Туттой». Потягивая чаек, смотрительница заявила, что, судя по тому, сколько в этом городе пьющих, его наверняка назвали в честь глагола «уклюкаться».

Тут в «чайную» вошел Кронцов. Соня вскочила, готовая выслушать его указания, но Шеф лишь махнул рукой:

— Обедайте, Сонечка, обедайте. Я тоже перекушу, — и сам без приглашения присел к столу.

При появлении Алексея Юрьевича, Дракулина непроизвольным жестом поправила свои черные, стриженные под каре волосы, Карлсон торопливо одернула на себе просторную тунику, а Тутта, не поведя ухом, между тем, продолжала развивать свою мысль:

— Вот так сидишь порой в экспозиции, мимо тебя проходит экскурсия — десятка два-три каких-нибудь работяг, пригнанных по культурной разнарядке, а за ними такой хвост сивушного перегара тянется, что чуть со стула не падаешь. Я бы подобных типов вообще в музей не пускала.

Шеф, сооружая себе бутерброд с колбасой сорта «Радость бюджетника», рассмеялся.

— А ведь когда-то в петербургской Кунсткамере ради привлечения посетителей желающим подносили водку. А ну как у нас такой обычай снова заведут? В музей-то народу все меньше ходит.

Тутта скривилась:

— Упаси господь! Уволюсь тогда.

— Вы, Марина Корнеевна, уже лет десять уволиться собираетесь да никак не соберетесь, — беззлобно поддразнила ее Дракулина.

— А куда ж я без нашего музея? Я к нему всей

душой прикипела. Все мы тут, словно одна большая семья, энтузиасты своего дела. Вон, Алексей Юрьевич всю жизнь свою, почитай, положил ради того, чтобы музей наш расцвел. Да и вы, Акулина Семеновна, и вы, Наталья Ивановна, уж лет по тридцать тут отработали. Я в смотрителях уже почти двадцать годков. А Лариса Петровна прямо тут, на рабочем месте и скончалась... — Она осеклась. — Вот охламоны! Мебель двигали и портрет уронили! — Старушка вскочила, подошла к стоящей в углу тумбочке и подняла упавшую плашмя фотографию в рамке с черным уголком. Прежде чем поставить ее на место, Тутта покачала головой: — Как подумаю, что с любым из нас такое могло произойти — аж мурашки бегут. Я ведь не раз в отделе фондов Ларисе Петровне помогала и мимо того черта чугунного туда-сюда шастала.

— Как хотите, а вот я не считаю, что это был несчастный случай, — заявила вдруг Карлсон. — Ларисочка столько раз говорила, что не верит в Хозяина, все шутила про него. А он, видать, такого не любит — вот и отомстил.

— И мне так кажется, — поддакнула Дракулина. — Не зря в этом замешана та самая статуэтка. — Слова «та самая» она выделила, округлив глаза. — Тут дело ясное — не терпит Хозяин насмешек.

— А кто такой Хозяин? — удивленно

спросила Соня, не понимая, о чем разговор.

Дамы-музейщицы переглянулись, и глаза их зажглись огнем возбуждения, охватывающего женщину при возможности поделиться потрясающей сплетней с тем, кому она еще неизвестна.

Глава 5. «И у нас тоже есть собственный полтергейст!..»

— Сонечка, мы совсем забыли, что вы приезжая, — всплеснула руками Карлсон. — Ведь про Хозяина у нас в городе знают все — от мала до велика. И как его только не называют: дух, привидение, полтергейст. Он в нашем музее обитает уже очень давно.

— У нас столько всякого странного происходит, — заявила Дракулина. — И не удивительно: здание музея очень старое, ему больше ста лет, за это время чего тут только не случилось!

— Начать с того, — перебила ее Наталья Ивановна, заговорив тоном экскурсовода, — что, по слухам, этот дом был построен на нехорошем, или, как прежде говорили, «недобром» месте — раньше здесь проходила дорога, а по старому поверью, из-за этого могли «уйти» из дома достаток и даже жизнь. Но купец Матвей Пронин, один из самых

богатых людей в округе, именно тут выстроил свой дом. Да не просто дом — а настоящий дворец по местным меркам: каменный, с затейливой отделкой, в два этажа, с высокими потолками и просторными комнатами. — Ее глаза загорелись за стеклами очков то ли энтузиазмом, то ли фанатизмом. Она словно помогала себе излагать, взмахивая пухлыми руками и время от времени энергично встряхивая головой, отчего подпрыгивали коротенькие рыжеватые кудряшки «перманента», окружающие ее голову, словно пух одуванчика. — На первом этаже Матвей открыл магазин, а на втором обитал со своим семейством. Там же была и его контора. Все уключинцы бойко раскупали в этой лавке товары — ведь «нехорошее» место в самый раз годилось для торговли: центр города, да еще и рядом с мостом, через который каждый день большинство горожан шагало на работу на металлургический завод и обратно.

Она поправила на носу очки, и Соня подумала, что глаза у этой тетки, кажутся такими маленькими за этими толстыми стеклами — словно два голубых камешка, упавших в пруд на мелководье: вот лежат они себе на дне, и поблескивают через стоящую над ними воду.

А Наталья Ивановна между тем продолжала:

— Купец богател еще больше с каждым днем. Деньги так и текли к нему рекой. Люди начали

поговаривать, что неспроста это, что продал Матвей душу нечистому. Купец только посмеивался в ответ, а иногда клал руку на статуэтку фавна, что на его столе в кабинете стояла, и говорил: «Так и думайте, коли хотите. А только монеты — от бога ли они или от черта — звенят в кармане одинаково. И вы моими товарами чой-то не брезгуете, когда в лавке их покупаете».

— Но через несколько лет всё изменилось, — перетянула на себя одеяло Дракулина. — В семнадцатом году грянула февральская революция, начинались мутные времена, купец Пронин, наверное, понял это раньше других, потому что в начале марта просто исчез вместе со своими близкими: матерью, женой Пелагеей и двумя сыновьями: Игнатом и Николаем.

— Милые дамы, нашей новой коллеге всё это, наверное, не интересно, — вмешался Кронцов.

— Нет-нет, — из вежливости запротестовала Соня, лаская голодным взглядом порезанную колбасу и прикидывая, не обидятся ли «милые дамы», если она станет заедать их рассказ бутербродом. — Я — вся во внимании. Так что там с тем купцом? Куда он пропал?

— Куда он делся — никто не знает, — пояснила Дракулина. — Скорее всего, узнав о революции, сбежал с семьей за границу, потому что вместе с ними исчезли все их деньги и

драгоценности. Хотя, поговаривали, что купец спрятал свои богатства в подвалы под домом, а вход в них замуровал. Только отыскать тот вход, как и клад, никому так и не удалось. Лавку, конечно, разграбили. Здание окрестили «Народным домом», и в нем разместился только что созданный совет старост завода...

Соня, все-таки сделавшая себе бутерброд и теперь жевавшая его, заинтересовалась было историей о кладе, но тут же снова заскучала, разглядывая рассказчицу. Вот и эта тоже оживилась, даже разругалась, ненадолго перестав напоминать вампира. Все они тут какие-то слегка чокнутые, что ли? И у нее тоже горят глаза. Судя по их серому цвету, Дракулина — ненатуральная брюнетка. Наверное, уже красит волосы, чтобы скрыть седину, ведь ей на вид уже далеко за сорок. Но, похоже, она еще не сдалась в битве за уходящую молодость — старается за собой следить и, в общем, неплохо выглядит. Одетая, конечно, не безвкусно, но простовато. Да и какой может быть гардероб у модниц в этом захолустье?

Размышляя так, Сонечка слушала вполуха рассказ про купца.

— Ну а потом началась гражданская война, и бывший магазин стал военным штабом, — увлеченно повествовала Акулина Семеновна. — Он по очереди переходил то к белогвардейцам, то к

колчаковцам, то к партизанам-анархистам, а после к красногвардейцам. — Тут она понизила голос и заговорила интригующим полусшепотом: — И каждый раз в этом здании допрашивали, пытали и убивали людей. Не удивительно, что тут накопилось столько негативной энергии. Духи замученных жертв до сих пор бродят по этому дому. — Акулина Семеновна округлила глаза, сделала паузу и, переведя дух, добавила бодрым тоном: — Вот это мы обычно рассказываем, когда проводим экскурсию «Легенды нашего музея». — Она улыбнулась. — А под настроение иногда делимся с посетителями тем, что лично испытали на себе. Я сама сколько раз слышала тяжелые мужские шаги на втором этаже, когда там никого не было.

Карлсон поддакнула:

— А я привидение недавно видела: бородатый мужчина вдруг появился в старом зеркале. Как же я перепугалась!

Дракулина, размешивая сахар в чашке с чаем, добавила:

— Я однажды услышала детский плач наверху. Подумала: может, кто из экскурсантов ребенка забыл. Поднялась, обошла все залы — никого.

— И еще, — вспомнила Карлсон, снова поправив съехавшие очки, — в разделе «Этнография» шаманский бубен с изображением

трех миров время от времени переворачивается сам собой вверх ногами. У меня уже привычка — первым делом утром его проверять — не нашалил ли Хозяин снова. — Видя по лицу Сони, что она не верит рассказу, Наталья Ивановна подтолкнула локтем Тутту: — Мариночка Корнеевна, подтвердите.

Та подала голос:

— Так и есть. И я плач тот слышала. И бубен перевернутый видела. И не я одна.

Все, кроме Сони, закивали.

Она посмотрела на Шефа.

— Алексей Юрьевич, вы тоже верите в Хозяина?

Тот кинул взгляд на Наталью Ивановну, дожевал бутерброд и развел руками:

— Да я бы рад не верить, но и сам не единожды слышал шаги на втором этаже. А наш сторож говорит, что по ночам даже крики раздаются, и сигнализация несколько раз срабатывала без всякой причины. — Он откинулся на спинку стула. — Между прочим, «шумный дух» в музеях встречается нередко. Я эту тему специально изучал. Вот, например, в одном нижегородском музее видели привидения — старичка, пересчитывающего деньги, и женщину, поднимающуюся по лестнице. — Снова подавшись к столу, Шеф сделал еще один бутерброд и

продолжил: — Или взять дом-музей князей Волконских в Иркутске. — Хлеб с колбасой в его руке описали круг. — Там в пустых комнатах тоже слышны чьи-то шаги, вздохи, плач, скрипит лестница, будто по ней кто-то спускается. Сотрудники музея даже утверждают, что стоит переместить хоть на пару сантиметров тяжеленный бюст Пушкина, утром он странным образом возвращается на прежнее место. При этом на полу остаются царапины. — Тутта, не сводя глаз с Кронцова, кивнула так, словно сама эти царапины видела, а он перечислял дальше, загибая пальцы на руке, не занятой бутербродом: — В музее писателя Грина тоже постоянно слышат скрип половиц, будто кто-то ходит, а однажды сама собой загорелась стена на втором этаже. В музее изобретателя радио Попова постоянно чувствуется присутствие духа его сестры, умершей в молодости, слышится шуршание юбок ее платья. Та же чертовщина и в доме-музее Добролюбова и в некоторых старинных усадьбах... — Кронцов прервался, чтобы откусить кусок сэндвича и запить его чаем.

Тутта воспользовавшись этим, встряла в объяснения, подняв вверх палец:

— А я читала в газете про дом-музей Ульяновых в Самаре. Ну, тех самых, которые Ленины. Там тоже на втором этаже в пустых

комнатах кто-то топает. А еще постоянно будто хлопают запертые на ключ двери, и словно кто мебель двигает, и еще голоса чьи-то раздаются. Сторожа жалуются, что по ночам на втором этаже кто-то крутит диск телефона — параллельный-то аппарат на первом этаже при этом тренькает... А, да, чуть не забыла: как-то наутро нашли перевернутой одну из кроватей. Я вот думаю, не нравится, наверное, Ильичу, что его никак не похоронят по-человечески — вот и он тоже в «шумные духи» подался, — сделала вывод смотрительница и ткнула пальцем в воздух перед собой.

— Так чем наш музей хуже остальных? И у нас тоже есть собственный полтергейст, кем бы он ни был! — словно подводя итог сказанному, гордо заявила Карлсон, доливая себе в кружку воды из видавшего виды электрочайника.

— Мне кажется, Хозяин — это дух того самого купца Пронина, — задумчиво произнесла Дракулина, разворачивая карамельку. — Наверное, он очень сердит на то, что в его доме распоряжаются чужаки — что хотят, то и творят. Взяли перестроили тут всё: большие окна на первом этаже, что когда-то были витринами, заложили кирпичом, а вместо одного из окон прорубили дверь. Ну, а ту дверь, через которую раньше все ходили, само собой, превратили в окно.

Непременно у нас надо всё переиначить, да еще как-нибудь по-дурацки. А ведь есть такая примета: нельзя в жилом доме прорубать окно или дверь, а не то хозяин умрет. А впрочем, — махнула она рукой, — теперь у этого дома хозяин — государство. — Она недовольно передернула плечами, вскинула голову и продолжила, повернувшись к Соне: — Обстановку прежнюю, купеческую, разграбили, порастащили в лихие годы. Мы с большим трудом отыскали у старожилов всего несколько вещей. И среди них — та самая статуэтка. — И снова на словах «та самая» Акулина Семеновна округлила глаза. — Чугунный фавн, когда-то отлитый здесь, на нашем заводе, по заказу купца Пронина. Мы так радовались, когда его нашли, никто и не подозревал, чем всё закончится! Фавна до времени держали в хранилище: мы с Алексеем Юрьевичем хотели восстановить обстановку кабинета Игната Пронина...

Кронцов кивнул:

— Да, подбираем потихоньку мебель тех времен, изучаем исторические источники и фотографии, чтобы интерьер был максимально приближен к оригиналу. Очень интересно над этим работать...

— Вот-вот, — прервала его Дракулина. — И вдруг такое...

— А что случилось-то? — поинтересовалась Соня.

Дракулина открыла было рот, но Карлсон ее опередила:

— Погибла Ларисочка... Лариса Петровна Рукавишникова. — Скорбным тоном заявила она и вздохнула. — Замечательная была женщина, земля ей пухом! — При этих словах Тутта скривилась, а Карлсон продолжала: — Она семь лет проработала в нашем музее главным хранителем фондов. А неделю назад случилась жуткая история. — Наталья Ивановна, сделав страшные глаза за стеклами очков, начала повествование. — Был, вроде, обычный рабочий день. С утра мы с Акулиночкой провели экскурсию для школьников, а больше посетителей не было. Ларисочка описывала новые поступления у себя в хранилище. По инструкции при работе с фондами необходимо закрываться на ключ — она так всегда и делала. И в тот раз тоже закрылась... Где-то в полдень я пошла звать ее попить чайку. Буфета у нас не имеется, да и обеденного перерыва тоже, так что мы, Сонечка, сами видите, вот так на скорую руку по очереди перекусываем... Так вот, постучала я — никто не открывает. Ну, мало ли, думаю, может, Ларисочка в экспозиции или еще где. Потом Акулиночке что-то в хранилище понадобилось, она тоже не достучалась. — Дракулина энергично закивала,

перекатывая во рту конфету. — В пять вечера, когда уже пора было музей закрывать, выяснилось, что Ларисочку так никто и не видел. А хранилище, хоть и закрыто на ключ, но не опечатано на ночь, как требуется.

— Ага! — встряла Марина Корнеевна. — Тут уж мы все заволновались: куда человек делся, да еще такой обязательный — вот уж этого у нее было не отнять. Владимир Иванович, завхоз наш, подсказал, мол, давайте в окошко с улицы заглянем. Подставил он лестницу — окна-то в пристройке высоко, почти под потолком, — заглянул внутрь и чуть на землю не грохнулся от увиденного.

— Лежит наша бедная Лариса Петровна на полу, — подхватила эстафету дожевавшая карамельку Дракулина. — А рядом — статуэтка, та, что когда-то на столе купца Пронина стояла — чугунный фавн. И кусок маркетизета неподалеку валяется, которым она была накрыта. В общем, вызвали мы «скорую», по инструкции оперативно создали комиссию, взяли дубликат ключа из сейфа в кабинете директора, по акту открыли хранилище, вошли, но Лариса Петровна уже холодная была.

Теперь нить рассказа снова повела Карлсон:

— То, что это не людских рук дело — сразу стало понятно: дверь-то в хранилище была заперта, да и связку ключей на полу рядом с телом нашли — на ней и от хранилища ключи были — от главного

и от запасного выхода. Без нечистой силы тут точно не обошлось. Ведь этот фавн сколько уж месяцев стоял себе спокойно на верхней полке. Основание у статуэтки широкое, она вполне устойчивая, ее и крепить к полке нужды не было — и вдруг этот черт свалился вниз, да к тому же на Ларисочку!

— А может, еще у кого-то ключ от этого помещения был? — спросила Соня, упорно не желая верить в версию с чертовщиной.

— Нет, — покачала головой Дракулина, вертя в пальцах следующую карамельку. — У нас по инструкции всего два комплекта ключей от фондохранилища: один — у главного хранителя, второй — в сейфе на номерной доске, а ключ от того сейфа — у ответственного дежурного. Дубликаты ключей выдаются только по специальному распоряжению директора.

— Я в тот день дежурила, — сообщила Карлсон, — и точно знаю, что дубликат ключа от хранилища никто не брал, пока Ларису Петровну не обнаружили.

— Это всё уже проверяли, — махнул рукой Кронцов. — Комиссию по расследованию несчастных случаев, конечно, сразу же создали, и уголовное дело полиция завела — как полагается. Нас всех заставили писать объяснения, изъяли документы по технике безопасности. Хранилище, вон, до сих пор опечатано, работа по сверке

парализована. Да только не обнаружили никаких нарушений.

— Думаю, так дело и закроют в конце концов, — подытожила Тутта. — А что полицейским в нем писать? Мол, убило гражданку Рукавишникову проклятие старого дома?

— И не страшно вам теперь тут работать, если вы в это проклятие верите? — любопытствовала Соня.

Старушка ответила, размачивая в чае сушку:

— Страшновато, конечно, а только куда мы отсюда денемся? Я ж говорю, у нас с этим музеем вся жизнь связана. Да и не трогал столько лет никого Хозяин. Шуметь — шумел, но и только. А Нинка-то — та сбежала, да. Перепугалась здорово. Она ведь тоже над Хозяином зубоскалила, и нас всё поддевала шуточками всякими.

— Нинка — это кто? — спросила Соня, тоже нацеливаясь на сушки, насыпанные горкой в простенькую вазочку.

— Ниночка Колязина у нас специалистом значилась и экскурсии заодно водила, — пояснила Карлсон, заглянув в свою опустевшую чашку и снова вскинув глаза. — Тоже молоденькая. Еще моложе вас.

Так и не решившись съесть еще одну конфету, Дракулина положила ее на стол и выдала дополнительные сведения: